

Марк Бужор

ЧВАК

12+

Марк Бужор

Чвак

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бужор М.

Чвак / М. Бужор — «ЛитРес: Самиздат», 2020

На бесконечных просторах вселенной сошлись в битве не на жизнь, а на дожить до отпуска две вечные всепобеждающие силы - предписания администрации и раздолбайство, доведенное до высшего мастерства. Выдержат ли эту непрекращающуюся ни на секунду схватку бесконечные просторы? Сумеет ли главный герой пройти через все испытания и добиться того, чтобы ему вернули назад руку и сердце? Кто такой папа и как выключить процедуру 8.1? Когда дадут горячую воду? Ответы на все эти вопросы слишком сложны, чтобы ответить на них в этой книге. Зато все остальное тут есть. Было по крайней мере.

Содержание

ДЕВЯТЬ КРУГОВ АБИТУРЫ	5
ПЕРВАЯ КРОВЬ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

ДЕВЯТЬ КРУГОВ АБИТУРЫ

Курсант второго курса Сергей Воплин стоял перед зеркалом. Голый пружинный матрац и опустевшая тумбочка как две сиротки жались друг к другу, глядя на него с прощальной тоской.

Воплин, жестоко не замечая их, кинул снисходительный взгляд на мрачного худого темноволосого юношу в отражении зеркала и причесал его короткими решительными взмахами расчески. Внезапно в дверном проеме справа от юноши появился лунный лик, сияющий всеми эмоциями радуги.

– О! Серег! Ты тоже переезжаешь?

«Зефирка...» – Тоскливо подумал Воплин. «Блин, это август, вся общага переезжает». Не дожидаясь ответа Воплина, лик предложил:

– Давай наперегонки, кто быстрее чемоданы дотащит до новой комнаты! Кто проиграет, дает списывать взрывохимию целый год! Все! По рукам! На счет три! Раз! Два!

Полная луна исчезла и с гоготом помчалась по коридору. Скоро топот переместился вверх на этаж.

Воплин некоторое время поразмышлял о трагической судьбе счета три, затем неторопливо взял чемоданы и спустился на улицу к ласковому прохладному ветерку, который нагоняли на него еще зеленые клены. Зефирка радостно хохотал уже где-то на третьем этаже в предвкушении воплинских лабораторных. Похоже, он был не в курсе перераспределения второкурсников в «кремак» – так называли Второй корпус одновременно за неожиданный цвет стен и постоянно дымившуюся трубу бани. Осведомленность о текущем ходе мыслей администрации никогда не была сильной стороной Зефирки. Впрочем, Воплин не собирался побеждать и списывать лабы – это было такое же самоубийство, как Зефиркины попытки их делать – ему достаточно было освобождения от необходимости отдавать свои собственные на растерзание пирожками. И хотя он формально не принимал условий пари, но Зефирке было легче отдать проигрыш, чем доказывать, что не играл.

– Сережа! – ласковый голос, растворенный струящимся зноем, омыл его уши. Воплин вздрогнул, крепче перехватил чемоданы и ускорил шаг.

– Курсант Воплин! На месте! – ласковый голос кристаллизовался в металлическое лезвие и переместился от ушей к горлу.

Молодой человек застыл на месте, не переставая шагать. Команды «стой» не было.

Кто-то подходил сзади.

Перед его глазами взошли на небо дизайнерски выверенные по идеальным чертам лица лазурные глаза, окутанные золотым свечением от облака волос.

Продукт генетических экспериментов многих поколений, гибрид греческой статуи (женской), рекламы пластической хирургии и скандинавской Валькирии в воображении неженатого японского художника, инструктор Могущеева была светлой мечтой всех курсантов мужского пола днем. И темной – ночью.

Всех, кроме Воплина.

Воплин был счастливчиком.

На первое свидание с инструктором Могущеевой он сходил уже на второй месяц учебы.

И это было очень романтическое свидание.

На заснеженной вышине они встречали рассвет нового года с чашечками ароматного кофе в ворохе цветов, а симфонический оркестр наигрывал попурри из лучших лирических песен, пока они танцевали под полной луной.

Сценарий придумал генетический продукт, а Воплин был мужчиной.

В том смысле, что ему пришлось все это организовывать и оплачивать.

Варка кофе в самодельной «турке» на крыше покрытого искусственным снегом третьего корпуса – под вой коменданта, прибредшего к зданию на запах нелегальных электроустройств, – стала наименьшей проблемой. Все его деньги и десять обедов взял Зефирка за игру в качестве симфонического оркестра на девятом этаже с открытыми окнами. Откуда удалось достать волшебный свет полной луны в три часа дня и утро нового года в октябре, юноша не помнил сам.

Последней каплей для его нервной системы стало то, что когда он наконец добрался в тот день до койки крайне воодушевленная инструктор разбудила его, через полчаса пинками и горячим шепотом «Сереж, быстро подпиши здесь, это срочно». Он вовремя успел разобрать через пелену на глазах двух попавшихся под руку инструктору свидетелей Иеговы, тетеньку из Саранчанского ЗАГСа, заголовок «Книга регистрации браков», после чего хорошо поставленным кувырком эвакуировался в окно согласно утвержденному комендантом плану на стене.

Следующий месяц его всем курсом прятали по подвалам и мастерским, а Зефирка таскал ему первое, второе и компот из столовки в пластиковых коробочках. Поскольку из рациона резко пропали котлеты, то Воплин догадывался, что через руки Зефирки паёк до него доходил не весь. За месяц подпольной жизни яростный матримональный пыл инструктора сменился стойким планомерным штурмом, и Воплин уже стал осмеливаться появляться на занятиях. Иллюзий насчет своего будущего он не строил, но надеялся протянуть хотя бы до четвертого курса.

– Сереж, знаешь, я вдруг подумала, что фамилию я менять не буду. Лучше двойная. Несколько старомодно, но с налетом благородства. Воплина-Могущева. Это же классно. Или может лучше Могущева-Воплина? Тебе как нравится больше?

– Инструктор, мне кажется, лучше всего Воплин и Могущева по отдельности.

– Во-первых, не инструктор, а Алена, а во-вторых, ничего не выйдет, курсант Воплин. Ты обречен. Кольцо-то оно вот оно!

Валькирия ткнула безмянным пальцем в облако. Палец блеснул золотом.

Воплин тяжело вздохнул. Как в истории с лунным светом появилось кольцо, он мог вспомнить но почему-то очень не хотел.

– Не «обречен», инструктор, а «обручен». Это принципиально разные вещи.

– У нас еще будут долгие зимние вечера на обсуждение орфографического словаря. А сейчас в десять часов с города приходит автобус с абитуриентами. Директор приказал их встретить и показать где тут чего. Ты ответственный. Через полчаса чтобы был на проходной. Проверю.

– Инструктор, а почему сразу я?! У меня тоже переезд! Возьмите кого-нибудь из нольшестых. Они еще вчера переехали!

– А все для того, Воплин, чтобы ты на своей шкуре почувствовал разницу между родственным благоденствием и лямкой простого курсанта. Ах, как мы тогда танцевали под лу...

Воплин вздрогнул, панически схватился за лямки простого курсанта и бросился бегом к проходной.

Позднеавгустовский ослепительный день успешно притворялся июльским. Солнце жарило точно в темечко, в воздухе пахло завтрашним дождем, а цикады с кузнечиками трещали друг на друга как неродные. Дежурный на проходной неистово заперся наедине с кондиционером, так что компанию курсанту Воплину составлял только спящий шлагбаум и дорога, весело играющая своими изгибами с окрестными холмами и перелесками. Дорогу звали «до Саранчанска 10 км» и в других обстоятельствах она была бы скучной и пустой. Сейчас же ее украшал собой наш герой, с терпением наблюдающий за превращением пыльного дымка на горизонте в полыхающий темными стеклами полуторазэтажный рейсовый автобус.

Апокалиптически изогнутая махина мягко притормозила у куска переломанного в трех местах синего фанерного щита, назначенного остановкой особым приказом директора, помедлила немного и заскользила по пыли дальше, оставив вместо себя кучку юных дарований, которые всем своим видом демонстрировали свою принципиальную непричастность к пункту один-два-двадцать шесть строевого устава. Дарования синхронно проводили взглядом автобус, потом в один голос возопили «ЭЭЭЭЭЭЙ!».

Автобус замедлил ход, потом дал заднюю, снова скрыл своими бортами новоприбывших от безмятежного философского взгляда Воплина. Послышался лязг раздвигающейся крышки багажного отделения. Сквозь шорканье выкладываемых сумок и рюкзаков отчетливо послышался шепот «подавитесь». Автобус снова уехал. На этот раз к абитуриентам присоединились их багаж.

Некоторое время новоприбывшие с чемоданами смотрели на Воплина с чемоданами

– Хм. – сказала девушка в розовой маечке с покемонами. – Вы хотели уехать?

– Курсант второго курса Воплин. По приказу командования я хотел показать вам Академию и продемонстрировать на личном примере правила поведения курсанта на территории учебного заведения. Смотрите внимательно. Показываю один раз.

– Академия. – Воплин ткнул пальцем в виднеющиеся за кленами корпуса.

– Правила поведения. – Курсант потряс перед взорами собравшихся мятой пыльной брошюрой.

– Все свободны, всем спасибо.

Юноша сунул брошюрку себе в карман и, взявшись за чемоданы, развернулся.

– ВОПЛИН! – раздался из динамика над воротами голос инструктора. – ЛЕНИВАЯ СКОТИНА! Я же сказала! Показать все лично!

Воплин тяжело вздохнул. Абитуриенты стали озираться в недоумении.

– А чо у вас тут слезка за всеми? – разочаровано промычал долговязый тип в кепке с рюкзаком.

– Нет у нас никакой слезки. И микрофонов нет. Это женская интуиция! – Заявил голос инструктора Могущеевой и исчез в треске электрических разрядов.

Курсант сунул брошюрку в карман чемодана, взялся за свои чемоданы и развернулся.

– Ладно, бойцы. Следуйте за мной. Первая остановка – общежитие второго курса.

—

Бесконечный коридор в пятнах оконного света и бессмертный запах жареной картошки под китайской лапшой неоспоримо доказывали, что Воплин привел новичков именно в общежитие.

– А почему второго курса? – осведомился солидный крепыш в джинсах и красной футболке с металлистом, тщательно отшампуненным и причесанным для эпической смерти в Вальгалле под рифами бас-гитары. .

– Совмещаем бессмысленное с неизбежным. – Ответил их гид, закидывая чемоданы в свою комнату и запирая ее на ключ. – Остальные корпуса точно такие же. Где-то чище, где-то люди живут, но в основном все то же самое.

– А мы где будем жить? – поинтересовалась хрупкая брюнетка с косичками.

– Жить вы будете дома. Общежитие предназначено для быстрого и эффективного поиска командованием бездельников, не занятых нарядами и поставленными боевыми задачами.

И словно он накликал беду – внезапно в коридоре потемнело.

На окна в дальнем конце наплыл мрак и стал быстро приближаться. Воплин среагировал мгновенно.

– Быстро! – прошипел он яростно – Все лицом к стене!

Кое-кто неуверенно послушался, но остальные стояли в недоумении.

– Вы что, самоубийцы? Быстро, я сказал, лицом к стене!

Мрак неумолимо приближался, окна одно за другим погружались в темноту. Какой-то неодолимый страх окутал всех, и они бросились к стене.

– А теперь толкайте! Толкайте стену изо всех сил!

Десятки рук уперлись в шершавый крашенный бетон и принялись натужно вдавливать его в единственно возможном направлении.

И вовремя.

Мрак накрыл их черным непроницаемым одеялом. Они ощутили присутствие чего-то безжалостного и одновременно въедливого.

– Толкайте, не оглядывайтесь! – прошипел Воплин.

Тьма помедлила, словно осматривая каждого присутствующего, от чего у них мгновенно являлась ледяная испарина, потом низкий голос вдруг пропел: «Абитуриент, да? Чем занимаетесь?» Кто-то сдавленно ответил: «Ничем». Низкий голос удовлетворенно сглумкал и пропел дальше: «Пойдемте со мной».

Послышался сдавленный крик .

Затем взгляд ледяных лезвий стал строгать затылок Воплина.

– Так, курсант Воплин? – его уши обдало морозом – А вы чем занимаетесь?

– Чо, не видно? Стену толкаю! – максимально возмущенно и в то же время ответственно ответил курсант.

– Хмм... – задумчиво протянул морозильник- А зачем?

– Инспектор сказал, я и толкаю.– Еще более возмущенно и еще более ответственно ответил Воплин.

– Вы что, все толкаете? – в голосе тьмы послышалась неуверенность. Реалистичность происходящего идиотизма внушала тьме веские сомнения. Послышался гул всеобщего согласия, перебиваемый чьей-то легкой икотой.

– За полчаса управитесь?

– Вы чо, блин, какие полчаса! – взвился Воплин – Инспектор сказал чтоб завтра тоже выходили!

Мрак и ужас вздохнул.

– Ну ладно, значит один пойдешь.

Воплин, продолжая изо всех сил толкать стену, скосил глаза и периферийным зрением увидел, как тьма уволакивает с собой за ногу какого-то парня.

За мглой медленно отступила и звенящая тишина. Снова зачирикали воробьи, а в окна заструился солнечный свет.

– Отставить. – Наконец, скомандовал курсант.

Все, вспотевшие и уставшие, отвалились от стены, с недоумением и страхом взирая в сторону, куда уволокло несчастного.

– А теперь валим отсюда. – коротко скомандовал курсант. Повторять не понадобилось.

Остановились они только на заросшем жухлой травой пустыре перед ангаром.

– Что это было? – спросил кто-то.

– Наглядный пример того, что случается с любопытными абитуриентами. Особенно когда не слушают старших. Больше мы его не увидим. До ужина, по крайней мере.

– Но что это была за жуть?

– Это была не жуть, а комендант. Он перед обедом всегда по общаге шарается – смотрит, чтобы кровати были заправлены. Но если заметит, что кто-то бездельничает – все, труба.

– А что такое «комендант»?

– Когда то он был человеком. Тьма, которая его окутывает, родилась от несправедных накладных. Говорят, у него есть настоящее лицо, но те, кто его хоть раз увидит, исчезают навсегда.

– Ой, как интересно! – восхищенно сказала одна из абитуриенток. – А как его можно увидеть, если вокруг него такая тьма ?

– Чтобы увидеть настоящее лицо коменданта общаги... – Воплин огляделся и понизил голос до шепота: – надо забыть на лето сдать матрац или порвать наволочку. Если этого не делать, то легко можно дожить до третьего курса. И тогда уже можно расслабиться.

– Он к третьему курсу уже не ходит?

– Нет, на третьем курсе все уже умеют спать без матраца и наволочки. Кстати, мы сейчас возле очень важного места.

Выцветшая табличка на двери какого-то сарая возле ангара гласила:

«КАПТЕР

крыто каждый вторник месяца с 14.00 до 14.30.45»

Дверь была надежно закрыта на ржавчину, замок и забвение.

– Каптерка.– Лаконично довел до сведения присутствующих Воплин.

– Зачем? –поинтересовалась брюнетка с косичками.

– Каптерка предназначена для хранения личных вещей, ненужных для распорядка дня. То что нужно, берете с собой, что ненужно – оставляете здесь. Все просто.

Гул понимания разнесся над экскурсантами.

– А как мне узнать, что мне нужно, а что нет? – поинтересовалась ее соседка в идеальном маникюре по всему телу.

– Вопрос понял. – Ответил Воплин.-Что вы сдаете в каптерку – нужная вещь, что не сдаете – не нужная.

Экскурсанты задумались.

– Может, наоборот? – поправил его похожий на математическую формулу юноша. – Если исходить из данного вами определения каптерки...

– Теоретически, конечно, наоборот, но на практике именно так. Вот здесь – курсант опять достал брошюрку с правилами – на последней странице специальное примечание, что приказы командования имеют верховный приоритет перед логикой. Я сам лично несколько раз пытался применить теоретический смысл каптерки на практике, но постоянно получалась страшная путаница. Наверное, колдовство какое-то, хотя разговорчики о нем у нас тут не поощряются.

– А чего каптерка так мало работает? Полчаса раз в месяц – что тут можно успеть?

– Какие полчаса? – недоуменно спросил курсант. Он еще раз посмотрел на табличку, потом стер смесь ржавчины и пыли с цифр . Надпись приобрела освеженный вид.

«С 14.30.00 до 14.30.45»

– Вы издеваетесь? – взвизгнул какой-то молодой человек – какие нафиг сорок пять секунд? Я даже вещей своих не смогу найти за это время.

– В смысле? – настала очередь удивляться Воплину.– Каких «своих» вещей? Каптерка предназначена для хранения ненужных вещей, а не личных . Если что –то ненужно- сдаете в каптерку. Если нужно – не сдаете. И наоборот. Куда уж проще.

– Я ничего не понял, но что-то начинаю понимать.– Глубокомысленно заметил кто-то с задних рядов.

– Это нормально, но быстро пройдет.– Согласился Воплин. – А теперь прошу сюда.

С грохотом отъехала в бок створка титанических врат и экскурсанты просочились через образовавшуюся щель в залитый мягкими желтыми лучами бокс.

– А это наш ангар. Здесь обслуживается находящаяся у нас на балансе боевая техника, которую мы используем, отправляясь на различные задания. Никаких изысков, только необходимое – вертолет, пара БТР, несколько грузовиков, десантная машина разведки и средний танк в стандартной обвеске.

Абитуриенты благоговейно осмотрели абсолютно пустой голый пол в осколках стекла и кирпича.

– А ... а где это все? – не выдержал многозначительного молчания экскурсовода самый нетерпеливый.

– По легенде, которую рассказывал нам сам Директор – Воплин торжественно воздел указательный палец к высотам иерархии.– Они все на задании.

Абитуриенты с интересом осмотрели указательный палец, потом – еще раз – стекло и кирпичи.

– Согласно преданию, когда настанет черный день для Академии, и мир погрузится во тьму и хаос, они вернутся и придут на помощь. Я вижу, вы тянете руку. У вас вопрос?

– Нет, я хотел узнать, а можно сюда мехводом? Ну на распределении?

– Отчего же нет?– сказал Воплин, запирая ангар со двора- У нас второго сентября каждый год за прачечной драка за право быть мехводом в ангаре. А сейчас мы дошли до нашего самого интересного места.

– Это Столовая. Здесь едят. – Воплин роскошным царским жестом охватил чистые ряды столов с поднятыми на них стульями.

– А что у вас обычно в меню? – поинтересовалась девушка с розовыми покемонами на маечке.

– Чаще всего Еда.

– Это понятно. Но что за еда?

Воплин задумался.

– Поначалу все интересуются, но потом привыкают. Какая разница? Еда как Еда.

Сзади послышался скрип. Толпа расступилась и экскурсанты проводили взглядом скрипучую гнутую алюминиевую тележку, которую толкали два дежурных курсанта в белых халатах и беретах. На тележке стояли два бака. На одном было написано красной масляной краской

«Еда», на другой – белой краской- «Отходы». В обоих баках булькала, колыхалась и выпрыгивала всплесками совершенно идентичная красно-буро-желтая смесь.

Девушка судорожно сглотнула.

– А как повара отличают где еда, а где отходы?

– Предельно просто. До обеда это еда, после обеда – отходы. Очень удобно, в два раза меньше баков нужно.

– А ее вообще есть можно?

– Есть конечно можно, раз все едят. Главное, после Еды «Кока-колу» не пить.

Воплин многозначительно ткнул пальцем в потолок.

-Почему?

Воплин опять многозначительно ткнул пальцем в потолок.

Все посмотрели вверх.

На потолке вокруг люстры красовалась масса чего-то засохшего в обрывках сине-черной ткани.

– Что это? – осторожно поинтересовалась девица в розовом с покемонами.

– Не что, а кто.

– И.... кто это ?

– Мы до сих пор его не опознали, потому что для этого надо его с потолка отодрать, а мы не смогли. Но именно так узнали, что после Еды нельзя пить кока-колу.

– А пепси можно? – робко поинтересовался кто-то сзади.

– Пепси можно, после пепси мы смогли отодрать.

Кто-то нервно захохотал и тут же заткнулся.

– А кроме Еды есть еще что-нибудь?

– Иногда по четвергам дают мясо. Но обычно мы в такие дни прячемся, потому что за мясом всегда приходят Они.

Воплин приглушил голос и с опаской осмотрелся по сторонам.

– Кто «Они»? – шепотом спросил девушка возле Воплина.

– Старшекурсники- также шепотом ответил Воплин.-Они питаются только мясом. Поэтому всегда злые и очень голодные. Младшие курсы обычно прячутся в такие дни до самого ужина. Ну, а теперь, прошу – сердце нашей Академии, библиотека.

Сумрачное Сердце Академии, прорезанное пыльными лучами солнца, было как всегда переполнено.

Все столы были забиты опытными бойцами в уникальных комплектах тряпочек непонятного цвета, оставшихся от когда-то форменных кителей после мегалитров пролитой на них Еды . Гармония храпа, сопения и сонного чавкания составляла заразительную симфонию праздника отдыха. Воплин стойко боролся с гипнотическим соблазном занять пустое место в третьем ряду, как его кто-то вдруг дернул за рукав. Какая-то девушка из абитуриентов шепотом спросила:

– А где книги?

Воплин окинул взглядом прозрачные шкафы, тщательно протертые мокрой тряпочкой, но абсолютно пустые.

– Все книги на руках. Не всем удастся поспать в библиотеке. Большею части приходится на парах. А чтоб не запалили, как вы спите на парах, вам нужно от тридцати до сорока томов, выстроенных в особом порядке. Если что, архитектуре великой стены может научить инструктор Коняткин за палку сервилата. Я тоже могу, но я могу только одноточечную перспективу. Если препод на месте сидит. Если он начнет по всем рядам шараться, тут уже нужна трехточечная перспектива и минимум второй дан архитектора стены. А сейчас из архитекторов не на каникулах только Коняткин.

Девушка задумалась, оглядела еще раз дышущего левиафана библиотечных сонливцев и уже громко прошептала:

– А чего вы в общежитии не спите?

Воплин вздрогнул.

– Вы что, коменданта не помните? Никому в страшном сне не приснится, чтобы спать в общежитии. Так, а это конечный пункт нашей экскурсии, прошу сюда.

– А сюда попадают те, кто второго сентября не сумел попасть в мехводы. Или пил газировку после Еды. – Торжественно сказал Воплин, подведя своих подопечных к белой двери в глухой стене одноэтажного приземистого здания. Оттуда тянуло могильной сыростью.

– Это морг? – испуганно спросил математический юноша.

Воплин задумался.

– Ну, кто как называет. По штатному расписанию это медсанчасть. – Сказал он, наконец.– Но наверное, вам лучше все увидеть самим.

Воплин сорвал с ручки пломбу со старинным почерневшим амулетом и распахнул дверь . Из коридора пахнуло тьмой и хлоркой.

– Входите, входите, не бойтесь. – Приветливо сказал курсант и отошел в сторону.

Абитуриенты, оглядываясь и спотыкаясь о невидимый порожек, начали по одному про падать в проходе. Когда последний перешагнул порог, Воплин захлопнул белую дверь, наскоро навязал амулет обратно, и судорожно заколотил булыжником стоящие рядом две доски попе рек прохода.

– А теперь бойтесь.– Тихо и серьезно сказал он.

Нечеловеческие крики и неистовые удары кулаками изнутри сотрясли белую дверь. Воплин чуть дрожащими руками чиркнул спичкой, затем вспомнил что не курит.

– Серег! Ты проиграл!– радостно хлопнул его по спине кто-то. – ТВОИ ЛАБЫ ТЕПЕРЬ МОИ!Буахахаха! .

Уже знакомый нам солнцелуноликий юноша сейчас никуда не мчался, поэтому его можно было рассмотреть в некоторых подробностях. Он был азиатом, блондином, приземистым и энергичным – и все это одновременно. Коренной таджикский швед в первом поколении Зафир Каас эмигрировал с семьей в Швецию два года назад по программе «Открытой Европы», но был через месяц депортирован по линии МАГАТЭ как нелегальное ядерное оружие. Юноша имел невероятно кипучий темперамент, учился сразу на трех факультетах, работал на двух работах и одной подработке, при этом участвовал еще и в рок-группе «Урр бабай», в кото рой был барабанщиком, клавишником, гитаристом, басом и женским вокалом одновременно. Самое ужасное во всем этом было то, что Зефирка неизменным соседом по койке Воплина. Впрочем, тот за год приобрел к своему проклятию практически полный иммунитет.

– А чо ты тут сидишь? – Подозрительно обнюхал Зефирка заколоченную Воплиным дверь. – Я б на твоём месте на эти доски не надеялся. Через два часа закат. Доктор обычно через эту дверь вылезает. Валил бы ты отсюда.

– Не могу. – Вздохнул Воплин. – Там мои абитуриенты на экскурсии Зефирка вздрогнул и с ужасом выпучил глаза.

– Ты их чо, к доктору отправил? Одних? Ты рехнулся?

– Мне инструктор приказала. Все им показать. Все – значит и санчасть.

– А чо с ними не пошел?

– Инструктор сказала показать, а не ходить с ними по гиблым местам.

– Блин, чувак, ты даешь. Ты чо не помнишь, в прошлом году человек двадцать городских повыбивали все окна в санчасти и разбежались по окрестным лесам. Мы же их всей академией три дня ловили.

– Они просто черезчур впечатлительные были. Вот они, современные люди. Только в интернете сидят. Столкновение с реальной жизнью для них уже стресс.

Зефирка подошел совсем близко и уставился ему глаза в глаза.

– Серег. Это были покойники, которых нам оставили, пока в городе главную подстанцию не починят и свет в морг не дадут. Ты прекрасно знаешь доктора. Открывай давай дверь и топай за ними. Нас и так городские попы каждый месяц с вертолета святой водой кропят по периметру. Еще нам не хватало массового исчезновения гражданских.

В словах Зефирки была ужасная правда. Воплин в глубине сердца надеялся на повторение прошлогоднего инцидента, но доктор умела делать выводы. Сейчас шансов сбежать не было даже у покойников.

Воплин со скрежетом стал отдиирать доски. Когда последняя бессильно свалилась под стеной, вместо белой обшарпанной двери перед курсантами предстала кирпичная силикатная стена с наклеенной наискосок бумажкой от доктора с многозначительным заклиниванием:

-Опоздали.

Зефирка плюнул в кирпичи. Кирпичи даже не шелохнулись.

В коридоре санчасти было темно и пахло несвежей диспансеризацией.

Абитуриенты, подсвечивая себе путь телефонами, робко, по шажку продвигались вперед по гулкой металлической решетке, обозначавшей пол. Под решеткой беззвучно клубилась багровая тьма. Неверные светодиодные отблески выхватывали из бурого сумрака какие-то плакаты, накликающие на смотрящего сколиоз, лишай и столбняк. Вдоль заляпанных то ли ржавчиной то ли кровью стен стояли ряды каталог, на которых лежали какие-то массы, накрытые простынями, очень похожие на то, о чем хотелось бы подумать в самую последнюю очередь. Где-то стучали по рельсе молотком.

Внезапно послышался странный скрип. Идущие впереди замерли и прислушались. Скрип усиливался и приближался. Легкая паника охватила всех, но какая-то сила словно отняла у них способность бежать. В каком-то тусклом лучике света из дыры в забитом клеенкой окне мелькнуло Нечто и продолжало приближаться. Наконец скрип стал совсем близким и в неярком освещении десятков устремленных вперед телефонов явилось кресло на колесиках. Оно скрипнуло еще пару раз и остановилось буквально в полуметре от арьергарда.

В кресле никого не было, только бликовала дермантиновая поверхность пустого сидения и подлокотников.

– СПРАВКИ О ВАКЦИНАЦИИ У ВСЕХ?! – сурово спросил Голос Из Темноты за спиной молодых людей.

Абитуриенты, испуская вопли ужаса, бросились бежать вперед, не разбирая дороги.

Когда топот десятков ног стих, и хлопнула какая-то дверь, тот же самый голос хмыкнул и добавил:

– Никогда не видела, чтобы с таким энтузиазмом забегали в процедурный кабинет. Хм... Попробовать, может, на них усиленный комплект прививок? Когда еще такую сознательность встретишь?

– И что нам теперь делать? – Зефирка ходил кругами, сосредоточенно размышляя над спасением невинных жертв военной медицины .

– Насколько я знаю барьеры доктора, чтобы их сломать, нужно просто бешенное количество энергии. – Вздохнул Воплин.

– Бешенное количество энергии... – Задумался Зефирка. – У меня, конечно, есть чуть-чуть бешеного количества, но для его высвобождения нужна веская мотивация.

– И чем мне тебя мотивировать? – поинтересовался курсант.

– Скажем, за две сосиски я готов на все в умеренных пределах. – Скромно потупился Зефирка.

Воплин вздохнул.

Экскурсия стала обходиться ему слишком дорого. Но выбора особо не было.

– Ладно. Две мои сосиски со следующего обеда твои.

Зефирка закрыл глаза, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Ну как?– осторожно поинтересовался Воплин.– Высвобождается?

– Ща.– Неуверенно пообещал Зефирка, поплевал на руки, закатал шорты на два сантиметра вверх, отошел, уперся в противоположную стену, разбежался и со всей силы шмякнулся грудью в кирпичи.

Кирпичи жалобно треснули, посыпались куски цемента и штукатурки, но барьер остался.

– Мало мощности.– Прокряхтел Зефирка, отклеиваясь широкой грудью от барьера доктора.

Воплин вздохнул.

– Эх, где наша не пропадала. Четыре сосиски!

Зефирка взревел, содрал с себя футболку и отбросил ее в сторону. Разбег- удар. Кирпичи покрылись вмятинами в виде могучих ребер, но выстояли.

Воплин вошел в раж.

– Пять сосисок и две котлеты!

Глаза Зефирки полыхнули красным, из ушей пошел дым, колени и локти стали светиться.

Разбег на этот раз сопровождался оплавлением бетонного пола, а кирпичи от удара не только продавились, но и обуглились

Но магический барьер доктора, почерпнутый ею в передовице нововыписанного немецкого журнала по психиатрии, выстоял.

– Десять сосисок и шесть котлет! – Раздался за спиной ледяной голос инструктора Могущевой.

На Зефирку стало страшно смотреть. Глаза его пылали, асфальт под ним горел синим огнем, по всему телу бежали разряды розовых молний.

С ревом пустынного торнадо он пролетел мимо них, обдав нестерпимым жаром, но вдруг что-то хлопнуло, Зефирка споткнулся и рухнул сначала на колени, а потом носом в землю, подняв вместе с шипением и треском столб дыма и пыли.

Юноша тяжело вздохнул.

– Инструктор, спасибо за самопожертвование, но дальше повышать мощностъ бесполезно.

– Причем тут самопожертвование?

Инструктор выплыла из-за его спины.

– Это не мой обед, а твой. За неделю. Ты ж накосячил. Чо, отправил к доктору чистых, невинных абитуриентов? Совесть не мучает?

– С тех пор как я тут учусь, инструктор, мучения совести для меня почти незаметны на фоне остального.

Инструктор подошла к преграде и стала задумчиво рассматривать закоптившуюся бумажку.

– Так, а это что такое?

– Записка от доктора.

– Хм. Может, это важно. Ты умеешь читать на докторском? Хотя. Дурацкий вопрос. Я знаю, кто умеет.

Могущеева достала телефон и стала пипикать кнопочками.

– Маш? Привет. Слушай, подойди пожалуйста к санчасти, ты нам срочно нужна... Что значит ни за какие деньги? Ты аспирант, ты все делаешь бесплатно, это закон природы... Хватит торговаться! Тут Воплин отправил к доктору Кадавров всех абитуриентов... Конечно иди, иначе я б за него замуж не выходила. Их надо срочно вытащить... Я тебе уволюсь. Да хватит труситься, внутрь ты не пойдешь, нам от тебя нужно только записку прочитать, ты ж год интерном работала... Слушай, какая разница – интерном, в интернете... сейчас не до грамматики.

Аспирант Маша (фамилию никто не знал) – закованное в готические цвета порождение андеграунда – задержалась в пути ровно настолько, чтобы все осознали ее исключительную важность. Она равнодушно перешагнула через дымящееся тело Зефирки у стены и оглядела записку от доктора

– Это «капча» от тупых ботов. Тут написано «Вход со двора».

Могущеева вздохнула.

– Маш, спасибо, Воплин – за мной. Пошли через двор.

Воплин оглядел академический двор.

– А мы сейчас где?

Инструктор задумалась:

– Как меня уже достали докторские приколы. Все, я пошла за директором.

Процедурная была непривычно многолюдна и переполнена нарастающим ужасом.

Три десятка спеленутых бинтами тел трепыхались на больничных койках, ожидая неминуемой профилактики.

Доктор рядом с батареей шприцов на процедурном столе деловито черкала какой-то журнал.

– Пустите меня – провыло замотанное в марлю тело в самом углу- Я здесь не учусь, я вам почту принес.

– Профилактика эпидемических заболеваний – не частное дело Академии, а стратегическая задача общества.

Доктор дыхла на печать и хлопнула ею по раскрытому развороту. Затем она окинула долгим ласковым взглядом бесконечную батарею шприцов с надписями «простуда», «грипп», «бронхит», «перелом», «инфаркт», «экзема» ... Затем с закрытыми глазами наугад выбрала прививочный материал, прыснула им в воздух и подъехала на стуле с роликами к кушетке.

– Я никогда не буду болеть эпидемическими! Клянусь! Честное слово! – возопил почтальон.

Шприц безжалостно вонзился в бинты.

Почтальон вскрикнул и замолк.

Доктор откинулась на спинку стула

– Когда-то, давным давно, когда я была маленькой и неопытной девочкой, черт меня дернул сняться в сериале... – Она вздохнула и романтично проехала на кружащемся стуле между двух рядов затихших от ужаса абитуриентов.– .. И в одно кошмарное утро я проснулась знаменитой.

Доктор вздохнула.

– Знаете, сколько я получила предложений замуж за год?

Доктор наклонилась к ближайшей жертве и тень скрыла от ее глаз свет настольной лампы.

– Четыре миллиона. Из них три с половиной по почте.

Доктор задумалась, помолчала и воткнула в бесчувственное тело почтальона на всякий случай еще один шприц.

– А мы тут причем? – промычал кто-то.

– Видите ли. Когда дама получает первое предложение замуж – ей смешно. Когда второе – ей интересно. Когда десять – она польщена. Когда сто – ей становится не по себе. После второй тысячи хочется спрятаться. После десяти тысяч – по настоящему страшно. Нет, я понимаю, и сто тысяч может показаться кому-то нормальным, и миллион. Но когда четыре – тут ты внезапно понимаешь, что мир болен. И это эпидемия.

Доктор повернулась на кресле и взглянула на свет через иголку с капелькой жидкости.

– А эпидемии надо лечить.

– Доктор Кадавров! – внезапно, как гром трубы донесся из окон голос Могушеевой.– Немедленно выпустите абитуриентов. Приказ генерального директора Академии. Это было последнее предупреждение. Повторяю. ..

Перед белой дверью собралась уже небольшая группа преподавателей. Инструктор опустила мегафон и посмотрела по сторонам.

– Всем назад, это может быть опасно. ПОВТОРЯЮ- рявкнула она последнее предупреждение.

– Могущева, хватит врать. – Спокойным голосом доктора прохрипел динамик над входом. – С научной точки зрения генерального директора не существует, а его приказы выдуманы администрацией для получения бюджета.

– Я вру? – Девушка аж задохнулась от возмущения. – Ты видеокамеру посмотри! Это кто? Не генеральный?

– Могущева, убери этот старый драный портрет от камеры и иди занимайся своими делами.

Генеральный прикусил роскошный ус и вполголоса сказал:

– А вот сейчас обидно было.

– А если генерального нету, то кто на портрете? – ехидно поинтересовалась Могущева.

– Это продукт человеческой фантазии вызванный психологическим стремлением объяснить непонятные явления природы.

Не было на свете силы, которая могла бы заставить поверить доктора в директора, когда она не хотела выполнять его приказы.

Директор достал трубку и не торопясь чиркнул спичкой в трубке. Он пыхнул колечком дыма, посмотрел на небо и изрек:

– Это еще раз с достаточной ясностью свидетельствует, как легкомысленно и безответственно относятся медицинские работники к воплощению заветов администрации.

Директор пыхнул и чуть задумался.

– Мы поступим так. Раз товарища генерального директора не существует, то все подписанные им документы недействительны. Исключите доктора из зарплатной ведомости.

В ту же секунду барьер испарился, явившаяся на его месте Белая Дверь распахнулась, абитуриенты в остатках бинтов вывалились как яблоки из мешка.

Это был один из двух проверенных способов заставить доктора поверить в генерального. Вторым было увольнение, но до него доходило редко.

Абитуриенты мигали и радостно дышали слепящим воздухом.

– Товарищ Могущева. Продолжайте экскурсию. Надеюсь, больше эксцессов не повторится. – Директор заложил руки за спину и неторопливо принялся прогуливаться по двору.

Воплин посмотрел на тяжело дышащую толпу абитуриентов, театрально повел рукой и провозгласил:

– На этом наша экскурсия зака...

Договорить он не успел. Толпа сшибла его с ног и промчалась поверх него.

Курсант откашлялся, выплюнул камешек и повернул голову. Сквозь качающиеся ветерком жесткие стебли щетинника собачьего он увидел, как абитуриенты, подхватив чемоданы,

неслись через проходную в сторону,предопределенную указателем «Саранчанск», не утруждая дорогу, напрямик через поля и поросшие лесочком холмы.

Воплин сел на землю и заорал в след.

– Эй!Стойте автобус в город через полчаса будет!
Но его никто не слышал.

Он снова лег на асфальт и блаженно улыбнулся.
Внезапно солнце, которое согревало его героические мысли, накрыла холодная тень .

– Мо-ло-дец.– Ровным ничего не выражающим тоном по слогам проговорила Могущеева. – Справился. Все сбежали?

– Фиг вам, а не абитуриентов – счастливым голосом Жанны д’Арк на костре пообещал Воплин.

– Умница.– Согласилась инструктор. – Я с директором поговорила, дает тебе три дня увольнительных.

Что-то в ее тоне заставило Воплина насторожиться . Он открыл глаза , сел и посмотрел на девушку. Ее лицо, скрытое тенью, не выражало ничего.

– А нечего было меня во время переезда запрягать. Я когда злой – опасный вообще.

– Да без проблем.

– Инструктор. Вы не поняли. Я специально сделал так, чтобы они разбежались. Назло .
Делайте со мной что хотите. Но я счастлив ! Я спас столько молодых жизней!

– Господи, да молодец ты, говорю!

Нечто неладное тонким туманом стало просачиваться в фибры души Воплина . Такой довольной инструктора видел только один раз – в день танцевания под луной.

– А они не просто убежали – Уже неуверенно добавил он – Они всем расскажут что тут творится.

– Вообще супер.

– И у вас больше никогда не будет абитуриентов и вы закроетесь! – дрожь в голосе Воплина сменилась запальчивостью.

– Не у нас...

Могущеева посмотрела куда-то вверх и сказала в рацию «Громов, ты чо слепой? Ты куда ее опускаешь?»

Воплин резко обернулся.

Над проходной кипела почти беззвучная деятельность.

Несколько курсантов быстро, но аккуратно демонтировали надписи над воротами и шлагбаумом «ВВУ ГШ РФ» Которые маскировали другую, настоящую – «МГОУ ЧВАК»

– Не у нас. – Повторила инструктор. – Они всем расскажут, что творится в Высшем Военном Училище Генерального Штаба Армии. Дисциплинарный Комитет провел блестящую операцию по перехвату автобуса с ихней абитурой. Вот им-то ты и показал, какой ужас происходит за стенами этой солидной конторы. Можешь запучить свои глаза обратно, Сережа, не надо на меня так смотреть. Конкуренция – это необходимый рыночный механизм в современных условиях развития системы образования, поэтому нам конкуренты не нужны. А наши абитуриенты будут через полчаса.

Могущева опять поднесла рацию к губам.

– Приемная комиссия, выдвигайтесь на позиции.

Воплин увидел, как в кустарнике из ниоткуда заструились фигуры в камуфляже, где-то тихонько щелкнула крышка оптического прицела.

– Вот значит как ... сказал Воплин – Ну, мне терять нечего, я их тоже предупрежу.

Инструктор наклонила голову и посмотрела на него искоса.

– То есть как это нечего? А я? – сказала она тихо и грустно.

Курсант опешил, задумался и получил удар по голове.

– Ветрова, а помягче нельзя было ? Я что, за боксера замуж выхожу ?

Невысокая блондинка, неслышно возникшая за спиной Воплина, проследила за стеканием тела Воплина на землю и опустила кастет.

– БИТЬ. – Рявкнула она.

Могущева стала на колени и рассмотрела макушку на голове лежащего без сознания юноши.

– Блин, теперь синик будет.

– ТАЩИТЬ. – Рявкнула Ветрова.

– Ладно, – инструктор встала и щелкнула пальцами- ко мне в комнату. Привязывать не надо, только запри. Три дня увольнительных, конечно, не месяц, но в медовом месяце главное не продолжительность, а насыщенность событиями.

Яростная Ветрова схватила за ботинок бесчувственного Воплина и потащила его к корпусу учебного персонала с энергичностью бульдозера.

Старенький грязный автобусик –арендованная за тыщу рублей маршрутка- , чихая , кашляя и останавливаясь «на подсос масла» каждые 100 метров, подкатил к проходной. Инструктор Могущева радостно махала приветственной ладошкой навстречу виднеющимся в стеклах теням от лиц

Автобусик то ли умер, то ли остановился возле остановки, и пара десятков молодых людей гомоня и перепихиваясь кулаками, выкатились вместе с рюкзаками на пыльную траву. Когда генетический формат инструктора наконец произвел на всех ожидаемое впечатление

и они притихли, самозабвенно рассматривая его подробности, девушка начала душевным радостным голосом:

– Здравствуйте дорогие абитуриенты. Добро пожаловать в первую в мире Частную Военную Академию. Вы наверное, все слышали о частных военных компаниях, которые пользуются огромной популярностью по всему миру. Наше учебное заведение номер один в мире и первое в России по подготовке специалистов для частных военных компаний, поэтому и называется Частная Военная Академия Номер Один. Сокращенно ЧВАК. Надеюсь, что годы, проведенные здесь, будут незабываемыми для всех нас руки за голову мордой к стене!

В наступившей тишине стало слышно как храпит вахтер на первой проходной.

Могущева осклабилась. Потом внезапно рявкнула:

– Я что, два раза повторять должна? К СТЕНЕ РУКИ ЗА ГОЛОВУ !

Кусты, окружающие проходную, мгновенно ошетинились воронеными стволами. Послышался дробный стук передергиваемых затворов.

У кого-то глухо шлепнулся на землю рюкзак. Абитуриентов магнитом пришлепнуло к стене, локти затопорщились во все стороны.

– Молодцы. А теперь по одному. Делает шаг вперед, называет фамилию, подписывает бумаги на том столе и идет по белой линии до вон того клубящегося черного облака за наволочкой и простыней. Шаг в сторону, резкие движения – приемная комиссия открывает огонь на поражение.

– А экзамены? – сдавленно выкрикнул какой-то смельчак.

– Вы все приняты. – Инструктор ослепительно улыбнулась.

Воплин резко вздрогнул и очнулся.

Небольшая полоска света в занавешенном окне погружала комнату в мягкий полумрак.

Он сел на кровати и осмотрелся.

В памяти мгновенно пронеслись последние события.

Страшная догадка мелькнула у него в голове.

Он вскочил и опрометью бросился к окну за занавеской.

И ударился ногой о бесхозную каталку.

Каталка поехала и тяжело стукнула в дверцу аптечного шкафа. Стекло задребезжало.

– Кто здесь? – раздался настороженный голос доктора Кадавров.

Воплин испуганным хорьком мгновенно затек в какую-то кладовку со швабрами и перекрутил рукоятки дверцы половой тряпкой.

Пока доктор бродила по всей палате в поисках ктоздесь, он не шелохнулся.

– О! Ветрова! А ты чего тут лежишь на полу? – послышался глухой, но удивленный голос доктора. – Да еще без сознания?

Ветрова не ответила.

– Ну ладно, пойдем я тебе чего-нибудь зеленого вколю.
Юноша не удержался и заглянул в щелочку.

Белый призрак с безжизненным хрупким телом замкомиссара Дисциплинарного Комитета проплыл мимо дверцы кладовки. Воплин выдохнул. И почувствовал, как что-то колет ему шею. Он снял с воротничка какую-то бумажку и рискнул включить фонарик , чтобы прочитать .

До боли знакомым и до еще большей боли непонятым почерком Зефирки было накарябано:

«С тебя год списывать баллистику!»

ПЕРВАЯ КРОВЬ

– Внимание! Пожар! Срочно всем покинуть помещение! Повторяю! Внимание! Пожар! Срочно всем покинуть помещение! Повторяю...

Ровный металлический голос гулким эхом растекался по пустым коридорам и аудиториям Академии, расцветенным всеми розовыми оттенками занимающегося утра. Голос отражался от холодных стен, резвился над стройными рядами замерших в ожидании тяжелого дня пустых парт, вылетал в окна и уже в виде негромкого неразборчивого бубнения доносился до геометрически выверенных при помощи плаца и дисциплины рядов курсантов, мрачно впечатлявших инспектора идеальной униформой со свежими подворотничками.

Инспектор внимательно смотрел сначала на плац-часы, потом на пустой провал в стройных рядах. Затем все повторялось. Пустые провалы были тоже геометрически выверены – и помечены мелом. Надписи гласили «1- 9.56.07.01» и «1- 9.56.06.01».

Когда секундная стрелка на плац-часах перевалила за пятьдесят, инспектор поинтересовался у дежурного курсанта:

– Кто куратор первого курса? Могушеева ?

– Так точно!

– Ну и где они все?

Внезапно в корпусе общежития первого курса с разбега хлопнули двери и выплеснули наружу толпу. Толпа была полностью укомплектована для пожара – в куртках на босу ногу, со случайным набором вещей, огнетушителей и документов в руках, всклокоченные и готовые к любым паническим действиям в условиях чрезвычайной ситуации. Когда бурный поток новичков, повинувшись неборимому, но естественному влечению толпы к людям, дотек до плаца, инспектор стукнул пальцем по микрофону и ушам курсантов и коротко рявкнул:

– Первый курс! занять свое место!

Толпа испуганно затекла в приготовленный им от создания Академии вакуум и зашелестела пакетами как осина на ветру, робко пряча от высеченных из гранита и устава лиц старшекурсников постыдный внешний вид.

Инспектор продолжал мрачно смерять взглядом секундомер на плац-часах и уже полный комплект личного состава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.